

Зинаида Гиппиус: «...Война уже не может растить душу...»

По справедливому суждению Бена Хеллмана, автора фундаментального труда об осмыслении русскими писателями-символистами Первой мировой войны, «по-видимому, было бы абсолютно логичным называть Гиппиус “убежденным пацифистом», учитывая то, как она ненавидела войну. Еще более убеждает в этом и та мысль, которую Гиппиус постоянно выражала и в статьях, и в стихотворениях: убийство остается убийством, даже если оно организовано и санкционировано высшей властью государственных правительств в форме войны. Тем не менее подобные заявления не могли произноситься буквально и открыто в России во время войны. Видение происходящего, которое Гиппиус в действительности публично высказывала во время войны, было гораздо более сложным и подчас противоречивым»¹.

Вместе с тем в своем первом публицистическом выступлении на военную тему («Так надо — так будет», 8 августа 1914 г.) Гиппиус за основу берет противопоставление, имеющее, в общем-то, славянофильско-почвенническую природу: русской духовности германскому бездушному механицизму.

В статье «В наши времена»² Гиппиус подчеркивает, что хотя русские не желали войны, но они ее приняли просто и бессознательно. Эти отсутствие ненависти и простота восприятия жизни во всех ее, даже самых драматичных, проявлениях (замечательное воспроизведение этих духовных констант русского самосознания дано Толстым в «Войне и мире») — показатели большей органичности русской культуры и залог будущей ее победы над механицизмом культуры немецкой. Но в дневниковой записи от 2 августа 1914 г. Гиппиус рассуждает более категорично: «Почему вообще война, всякая, — зло, а только эта одна — благо? Никто не знает. Я верю, что многие так чувствуют. Я — нет. Я не верю чувствам: они не заслуживают слов, пока не оправданы чем-то высшим. И не закреплены правдой. Впрочем, не надо об этом. Проще. Идет организованное самоистребление, человекоубийство. “Или всегда можно убить, или никогда нельзя”. Да, если нет истории, нет истории, нет движения, нет свободы, нет Бога. А если это есть — так сказать нельзя. Должно каждому данному часу истории говорить “да” или “нет”. И сегодняшнему часу я говорю, со dna моей человеческой души и человеческого разума — “нет”. Или могу молчать. Даже лучше, вернее — молчать. Если слово — оно только “нет”. Эта война — война. И войне я скажу: никогда нельзя, но уже никогда и не надо»³.

¹ Hellman B. Poets of Hope and Despair. Helsinki, 1995. P. 139.

² Крайний Антон. В наши времена // Голос жизни. 1914. № 4 <после 27 окт.>. С. 11–12. До № 8 дата выхода журнала не указывалась, поэтому датировка номеров может быть установлена только косвенно.

³ Гиппиус З.Н. Дневники: В 2 кн. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1999. Кн. 1. С. 387.

Бен Хеллман отмечает, что в первых статьях Гиппиус нет и следов того абсолютного неприятия войны, которое характерно для дневниковых записей тех же дней, и считает, что Гиппиус-публицист выступает в числе тех многих русских писателей, которые стали яркими патриотами после начала войны¹. Думается, однако, что исследователь недооценивает трезвый взгляд писательницы на возможность полноценного выражения собственных мыслей в привычных для нее еще в 1900-х гг. условиях двойной цензуры²: усилившейся в связи с военным временем цензуры государственной и не менее жесткой цензуры общественного мнения, которое в первые месяцы войны формировалось под очень высоким градусом глобального патриотизма. В подобных условиях тактика прямого отстаивания привычных для Гиппиус интеллектуальных и духовных ценностей не могла быть столь же прямолинейной, как прежде.

Очень скоро культурологическая метафора о двух типах ментальности — с преобладанием «механического» начала (в германской культуре) и с преобладанием начала «духовного» (в русской) — становится весьма расхожей в публицистических статьях, написанных деятелями самых разных партий и мировоззрений, очень популярной становится тема противопоставления «начал живой жизни» (Россия) «началам механическим» (Германия). Поэтому сама Гиппиус вскоре выступает со статьей против чрезмерно прямолинейного понимания этого тезиса (косвенно корректируя собственные прежние высказывания, скрыто цитируя собственные положения). Она предупреждает публицистов, антагонистически противопоставляющих «автоматизму» германского духа «духовность» духа российского, что «безмерностью, безудержностью, беспреградностью чувств, редко не проверяемых, тоже лучше бы не хвалиться». Отсутствие критерия, меры, сдерживающего начала может самые благородные чувства незаметно превратить в стихийные инстинкты. «Слишком большая “свободность”, душевная “легкость в мыслях” — уже признак начинающейся дисгармонии, признак того, что реализм жизни отстает, не поспевает за стремительным ростом духа. Вот где должна лежать наша забота, если мы думаем об истинной культурности! Не нам презирать “плоть” — реальность, деловитость, живую технику мира; у нас-то она уж наверно не дорастет до бездушной механики, до немецкого варварства. Но не радоваться, что есть еще где-то плохие дороги и курные избы, должны мы, но учиться строить дом, достойный возрастающего духа России» («Искажения», 13 ноября 1914 г.). Позже, когда дихотомия «русская духовность — европейская (уже не германская!) машинная цивилизация» будет доведена до крещендо интеллектуальным экстремистом Александром Тиняковым, она выступит уже с резкой отповедью, говоря, что подобный призыв к эскапизму, уходу от европейской культуры и порождаемая в результате односторонность ведут к вырождению («Равноценности», 23 февраля 1915 г.).

Можно отметить, что и в суровую военную годину Гиппиус пытается отстаивать те же ценности, о коих писала в довоенную пору: культуру и религию³. И в этом плане показательна та «историософия войны», которую развернет она в своем докладе «История в христианстве», прочитанном в ноябре 1914 г. на заседании Религиозно-философского общества

¹ Hellman B. Op. cit. С. 139.

² Ср.: *Крайний Антон*. Два слова раньше // Антон Крайний (З. Гиппиус). Литературный дневник (1899–1907). СПб., 1908. С. IV.

³ *Паолини М.* Критическая проза Зинаиды Гиппиус (1899–1918): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 17–18.

в Петрограде и вскоре опубликованном в «Голосе жизни»¹. Обзорение отношения к войне в разные исторические эпохи подразумевает подытоживающее значение абсолютных гуманистических ценностей, которые строятся под знаком нового религиозного сознания. Главной проблемой здесь становится преодоление противоречия между антимилитаризмом (естественным для развитого человека) и необходимостью оправдать именно эту войну. Так, она пишет в дневнике: «Я говорила вообще о “Великом Пути” (с точки зрения всехристианства, конечно), об исторических моментах как ступенях — и о данном моменте, конечно. Да, что война — “снижение”, — это для меня теперь ясно. Я ее отрицаю не только метафизически, но исторически... т. е. моя метафизика истории ее, как таковую, отрицает.. и лишь практически я ее признаю. Это, впрочем, очень важно. От этого я с правом сбрасываю с себя глупую кличку “пораженки”. На войну нужно идти, нужно ее “принять”... но принять — корень ее отрицая, не затемняясь, не опьяняясь; не обманывая ни себя, ни других — не “снижаясь” внутренне.

Нельзя не “снижаясь”? Вздор. Если мы потеряем сознание, — все и так полусознательные — озвереют.

Да, это отправная точка. Только. Но неперемнная.

Были горячие прения <...> Упрекали меня, конечно, в отвлеченности. Карташев <...> сказал ужасную фразу: “<...> если не принять войны религиозно...”

Меня поддержал, как всегда, М<ережковский> и мой большой единомышленник по войне и антинационализму (зоологическому) — Дмитрий <Д.В. Философов>².

В поэзии Гиппиус умела преодолевать публицистическую «недосказанность» и «отвлеченность» — состояние мироздания в военную годину вскоре будет обозначено как апокалиптическая непоправимость:

Невозвратно. Непоправимо.
Не смоем водой. Огнем не выжжем.
Нас затоптал, — не проехал мимо! —
Тяжелый всадник на коне рыжем³.

В гуще вязнут его копыта,
В смертной вязи, неразделимой...
Смято, втоптанно, смешано, сбито —
Все. Навсегда. Непоправимо.

(«Непоправимо», 1916).

Именно в единстве «жизнетворческой», «активистской» религии («религиозной ответственности»), политического радикализма (уже в сентябре 1915 г. она записывает в дневнике, что «без перемены п<равительств>ва невозможно остановить нашествие немцев»⁴) и одухотворенной, активистской и гуманистической «культурности» (как среды, необходимой для чаемого преображения жизни) нужно искать ключи к прочтению ее публицистических опусов. Отсюда — раздражение излишней, по ее мнению, патетикой статей и пьес Андреева

¹ Гиппиус З. Великий Путь // Голос жизни. 1914. № 7. С. 13–17.

² Гиппиус З.Н. Дневники. Кн. 1. С. 390–391.

³ «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч» (Откр 6: 4).

⁴ Гиппиус З.Н. Дневники. Кн. 1. С. 413.

и стихов и повестей Сологуба. Здесь берут начало ее нападки на крикливую эпатажность футуристов. И здесь она находит опору для едкой критики «москвичей»-«неославянофилов», неуклонно, на ее взгляд, скатывающихся к пресловутой формуле «самодержавие–православие–народность». В том же 1915 г. в дневнике констатируется, что «народ не хочет войны», он «ни малейшей войны не ведет, он абсолютно ничего не понимает. А мы абсолютно ничего ему не можем сказать. Физически не можем. <...> Столетия разделили нас не плоче Вавилонской башни»¹.

Нелепость и несовместимость войны с «живой жизнью» и здравым смыслом могут быть высвечены посредством остранения, через восприятие сквозь фильтр детского сознания, что с блеском делается в очерке-воспоминании о Русско-турецкой войне «Детский взор. (“Воспоминание кстати”»)). Другое «воспоминание кстати» — «Без “аминя”» — демонстрирует возможности Гиппиус-публициста посредством системы намеков донести до читателя крамольные мысли об окружении Григория Распутина, о необходимости «зааминить», остановить волну иррациональных волений, нахлынувшую на правительственные круги вместе с влиянием придворного «старца». И это делается в тисках цензуры — «хуже николаевской раз в пять»².

Замыкает предлагаемую читателю подборку материалов первая статья, написанная уже вне подобных тисков, после Февральской революции, — «Петроград». Публицистика Гиппиус 1917–1918 гг. (кстати, в существенной мере уже републикованная³) несет в себе темы и тональности совсем иного рода.

Таким образом, в настоящую публикацию вошли все выявленные на сегодня статьи Гиппиус военных лет (с августа 1914 по февраль 1917), в основном появившиеся в еженедельнике «Голос жизни» и газетах «Биржевые ведомости», «День», «Утро России» и «Речь».

В подборку не вошли статьи Гиппиус указанного периода, которые были републикованы в различных российских изданиях в последние 25 лет:

Великий путь // Голос жизни. 1914. № 7 (см. также под другим заголовком: История в христианстве // Записки Петроградского религиозно-философского общества 1915–1916 гг. Пг., 1916. Т. 6. С. 20–28). Републ.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелев, Л.В. Хачатурян и др. М., 2009. Т. 3. С. 33–44.

Мой post-scriptum // Голос жизни. 1915. № 19. 6 мая. С. 12–13. Републ.: В. Маяковский: pro et contra. СПб.: Русский Путь, 2006. С. 555–556.

Судьба Аполлона Григорьева: (По поводу статьи А.А. Блока, приложенной к «Стихотворениям Аполлона Григорьева», изд. К.Ф. Некрасова, М., 1916) // Огни. Пг., 1916. Кн. 1. С. 263–278. Републ.: Гиппиус З.Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 340–349.

Зеленое — белое — алое // Бирж. вед. 1916. № 15516 (23 апр.). Утр. вып. Републ.: Гиппиус З.Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. С. 350–355.

¹ Там же. С. 398.

² Там же. С. 396.

³ Соболев А.Л. «Грядущее» Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус // De visu. 1993. № 2. С. 42–43; «Люди и нелюди»: Из публицистики З.Н. Гиппиус первых послеоктябрьских месяцев / Послесл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // Лит. обозрение. 1992. № 1. С. 52–62.